

Ж.В. Чернова

СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ: МОДЕЛИ ОТЦОВСТВА

Статья посвящена сравнительному анализу семейных политик государств всеобщего благосостояния в отношении отцовства. Используя такие понятия, как родительство и отцовство, автор анализирует, насколько семейная политика различных стран является «дружественной» мужчинам. Современная семейная политика западноевропейских стран включает определенный набор поддержек, адресованных мужчинам в связи с рождением ребенка. На примере такой меры, как отпуск по уходу за ребенком, автор показывает, что семейная политика формирует различные модели отцовства. В заключение делается вывод о том, что гендерный анализ семейной политики государств всеобщего благосостояния наряду с изучением позиции женщин, имеющих детей, должен включать изучение отцов, обладающих определенными правами и обязанностями.

Ключевые слова: семейная политика, государства всеобщего благосостояния, отцовство, родительский отпуск.

Keywords: family policy, welfare state, fatherhood, parental leave.

Родительство является важным элементом семейной политики, проводимой тем или иным государством. Само определение и содержание семейной политики часто связывается именно с родительством, т. е. с выполнением функций воспитания детей в семье и заботы о них, поскольку в большинстве случаев объектом семейной политики выступает именно супружеская пара с детьми, а также монородительство. Родительство представляет собой исторически сложившуюся традиционную форму заботы о детях, поскольку воспроизводство и воспитание детей являются одними из главных функций семьи как социального институ-

та. Институт родительства оставался практически неизменным в течение длительного времени, однако процессы, которые произошли во второй половине XX в., связанные также с перераспределением социальной функции заботы о детях, привели к его трансформации.

Традиционно предполагалось, что уход за детьми, забота и воспитание осуществляются в семье биологическими родителями, прежде всего матерями, в то время как отцовство рассматривалось главным образом как экономическая функция. Данный тип родительства определяется нами как традиционное родительство, оно биологически фундировано, вписано в традиционные гендерные отношения, когда существует четкое разделение труда в зависимости от пола, при котором мужчине предписывается выполнение роли кормильца, а женщине в первую очередь роли матери и домохозяйки. Во второй половине XX в. начинают появляться новые формы родительства. В связи с тем, что государство принимает на себя функции социальной заботы, происходит изменение традиционных семейных ролей, осуществляется экономическая эмансипация женщин, возникают новые формы семейных отношений.

В этих условиях возникают так называемые социальные формы родительства, они, в отличие от традиционных, биологически не фундированы, многообразны, т. к. представляют разные конфигурации распределения заботы о детях между различными социальными, политическим, экономическими акторами. В качестве примеров новых форм родительства можно привести распространение практики усыновления в современных странах Западной Европы, использование новых репродуктивных технологий, которые законодательно оформляют родительство как социальную роль, а не как биологический факт (законодательно суррогатная мать может не обладать статусом родителя). Такие изменения в брачно-репродуктивном поведении, как рост числа разводов, увеличение числа партнерств, внебрачных рождений и монородительских семей, привели к тому, что модель нуклеарной семьи перестала быть доминирующей и все больше стала рассматриваться как одна из форм семейных отношений.

Таким образом, родительство и супружество стали отделяться друг от друга, родительство стало определяться не как инструментальная, а, скорее, эмоциональная потребность в детях. Иначе говоря, отношения между родителями и детьми теперь представляют самостоятельную ценность, а качество отношений определяется с точки зрения теплоты, взаимопонимания и взаимной привязанности. Родительство становится важной частью жизненного проекта мужчин и женщин, требующей большей осознанности, результатом индивидуального жизненного выбора, а не следствием выполнения гендерных предписаний. Это влечет за собой изменение характера отношений между родителями и детьми,

отказ от авторитарного стиля воспитания, вписанного в четкую иерархию семейных ролей, переход к более равным, партнерским отношениям между родителями и детьми. Отцовство и материнство становятся, как отмечают исследователи, «предметом переговоров» между родителями и детьми, они корректируются с учетом взаимных интересов и потребностей всех членов семьи в близких отношениях. К числу обсуждаемых вопросов относятся время, которое каждый из родителей готов инвестировать в отношения с детьми; материальные ресурсы, их количество и принцип распределения между родителями и детьми; совместный досуг и общие интересы, которые могут объединить всех, и другие составляющие повседневной жизни семьи, которые ранее не проблематизировались (Vjorneberg 2002).

Тип родительства, который мы определяем как современный, не предполагает четкой поляризации родительских ролей, напротив, основывается на равном участии мужчин и женщин в воспитании детей и разделении между ними заботы о детях. В заботе и воспитании детей могут также принимать участие и другие социальные акторы, например, государство, добровольческие, рыночные организации, которые предоставляют специальную поддержку мужчинам и женщинам для более эффективного совмещения своих семейных и профессиональных ролей. Конфигурация этих акторов, а также принципы, по которым распределяются обязанности по выполнению функций заботы о детях, представляются важным измерением семейной политики государства.

Анализ моделей семейной политики, как правило, выстраивался исходя из репертуара жизненных возможностей, которыми обладали женщины в результате осуществляемых государством мер — обеспечивается ли женщинам возможность совмещения профессиональной деятельности и материнства или они попадают в ситуацию «жесткого» выбора между материнством и работой (Orloff 1993; Sainsbury 1999 и др.). Иными словами, противопоставляется ли материнство как гендерная роль женщины ее профессиональной занятости, стоит ли вопрос об обязательном выборе между ними, или, напротив, и материнство и участие в общественном производстве представляют собой сферы самореализации женщин. Феминистски-ориентированные исследователи социальной политики критиковали государство всеобщего благосостояния за то, что оно поддерживает традиционную модель семьи с мужчиной-кормильцем и практически исключает женщин, поскольку те выгоды и поддержки (декоммодификация, по определению Г. Эспинг-Андерсена), которое оно обеспечивает, адресованы мужчине-работнику. Были предприняты попытки изучения и типологизации государств всеобщего благосостояния по степени их «дружественности» женщинам, т. е. предоставления женщинам условий и поддержки для более эффективного сочетания материнства и работы (Duncan 2000).

При этом возникают вопросы — если политика государства определяется как «дружественная» женщинам, означает ли это, что она является «недружественной» к мужчинам? Настолько же важной является проблема совмещения профессиональных и семейных обязанности для мужчин? Какая модель семейной политики при таком рассмотрении является более «дружественной» мужчинам? Рассматриваются ли мужчины в контексте разных семейных политик государства всеобщего благосостояния как акторы, способные восполнить «дефицит заботы»? На эти вопросы мы попытаемся ответить в данной статье.

Концептуализация отцовства

В современной литературе, посвященной исследованиям маскулинности, большое внимание уделяется отцовству как важной составляющей мужской идентичности, а также социальному институту, влияющему на формирование нормативной мужественности, характерной для гендерной культуры того или иного общества. Интерес к изучению отцовства в гендерных исследованиях возник в середине 1980-х гг. и был главным образом связан с кризисом традиционного отцовства, вписанного в патриархатные гендерные отношения западных обществ (Marsiglio 1999; O'Brien 2001). Феномен «отсутствующего» отца заключается в том, что мужчина, выполняя нормативную роль «добытчика», оказался не просто дистанцированным, а фактически исключенным из приватной жизни семьи и повседневных практик воспитания детей и ухода за ними. Функционально «отсутствие» отца выражается в том, что его основная задача сводится к созданию экономических условий для благосостояния семьи, в то время как забота о детях осуществляется преимущественно матерью. Кризис отцовства связывался исследователями с кризисом семьи, когда нуклеарная модель семьи с ее обязательным авторитетом отца, основанным на экономической власти, перестала быть нормативным образцом. Также кризис отцовства связывался с кризисом маскулинности в целом, с идеологией гендерного равенства, распространенной в западных индустриальных обществах под влиянием второй волны феминизма, проблематизировавшей мужскую гегемонию как в публичной, так и приватной сферах.

Трансформация гендерного порядка позволила по-новому поставить вопрос об институциональных рамках отцовства и о тех значениях, которое имеет отцовство в жизни конкретных мужчин. Это сделало возможным рассматривать отцовство как одну из немногих сфер дискриминации современных мужчин. Кризис отцовства часто связывают и с кризисом государств всеобщего благосостояния, когда в 1970-х гг. практически во всех западных странах предпринимались попытки существенно сократить или совсем прекратить государственную помощь одиноким матерям. Это было связано с возросшими финансовыми из-

держками государства всеобщего благосостояния, которое за счет холостых или разведенных мужчин стремилось поддержать одиноких матерей (Hobson, Morgan 2002: 1).

Чтобы обозначить разные аспекты отцовства, в англоязычной литературе используют следующую терминологию. Отцовство как социальный институт, включающий дискурсивные предписания о том, что значит быть отцом и в чем заключается выполнение функций отца, определяется как *fatherhood*. Отцовство как набор практик, осуществляемый мужчинами в повседневной жизни и связанный с осуществлением социальной заботы о ребенке — *fathering*. Мы в своем анализе отцовства будем фокусироваться на институциональном аспекте. Отцовство как часть семейной политики того или иного государства связано с моделью семьи, на поддержку которой она направлена. Кто выступает главным «поставщиком» социальной заботы о детях и на каких условиях она осуществляется? Этот основной для нас вопрос позволит понять, насколько различные политики являются «дружественными» в отношении отцов.

Полезной для нас является теоретическая модель, разработанная Б. Хобсон и Д. Морганом, отражающая сложные взаимосвязи между конкурирующими потребностями и интересами матерей, отцов и детей в сфере родительства с ролью государства и рынка в их обеспечении (рис. 1).

Первый треугольник является институциональным, т. е. он представляет взаимодействие между такими акторами семейной политики, как государство, рынок и семья. Модели государства всеобщего благо-

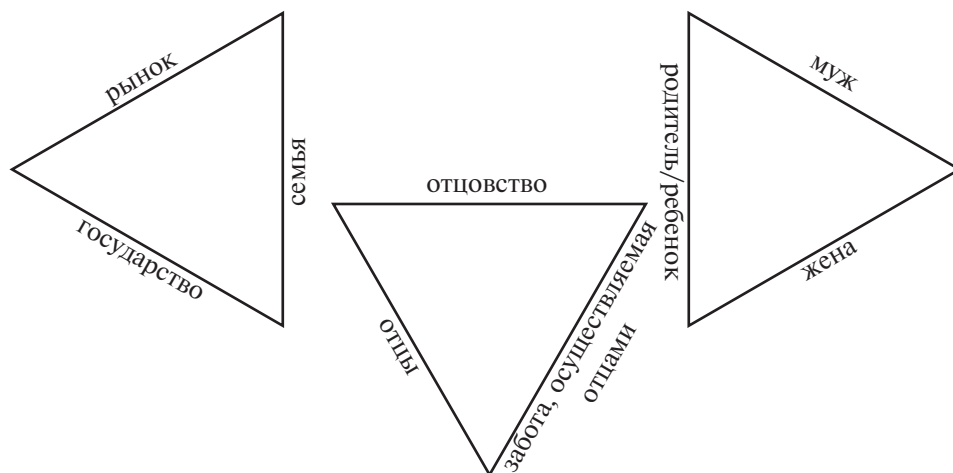

Рис. 1. Институциональный, семейный и отцовский треугольники (Hobson, Morgan 2002: 9)

состояния в странах Западной Европы включают разные модели отцовства, которые определяются отношениями между государством, рынком и семьей. Примером может служить конфигурация отношений, когда государство инициирует и активно поддерживает отцов, чтобы они были более вовлечены в осуществление социальной заботы о детях наравне с матерями. Для этого вносятся изменения в трудовое законодательство (предоставление отцам отпуска по уходу за новорожденным ребенком и в случае болезни, введение гибкого рабочего графика и др.). В этом отношении показательными являются общественные дебаты о возможности сокращения продолжительности рабочего дня не только для работающих матерей, но и для работающих отцов. Работодатели могут поддерживать эту модель ответственного отцовства, учитывая семейные обязанности работников при заключении контракта и дальнейшем профессиональном сотрудничестве — или, наоборот, предпочитая оформлять трудовые отношения с работником при условии нефиксированного количества рабочего времени, подрывая законодательные инициативы и поддерживая модель традиционного отцовства.

Второй треугольник призван отразить структуру внутрисемейных отношений. Он включает супружеские отношения (муж-жена) и отношения родителей и детей (отец-ребенок, мать-ребенок). Включение «семейного» (domestic) треугольника в анализ позволяет учитывать феминистскую точку зрения на динамику взаимодействий между государством, рынком и отношениями власти внутри семьи, которые определяются позицией мужчины как «сильного», «слабого» или «умеренного» кормильца, в терминологии Джейн Льюис (Lewis 1992). В зависимости от характера поддержек, которые государство оказывает определенному типу семьи, можно говорить о том, осуществляется ли поддержка традиционной гендерной роли «кормильца» для мужчин или поддерживается семья с двумя кормильцами при равном участии обоих партнеров в воспитании детей и заботе о них.

Третий треугольник представляет собой концептуализацию отцовства, отражая взаимосвязь отцовства как социального института (fatherhood) и отцовства как осуществление заботы о ребенке (fathering). Это наиболее важный для анализа политик отцовства треугольник, показывающий сложное взаимодействие между институтами и практиками. Для этого необходимо различать, как формируется отцовство через политику, законы и дискурсы, а также практики отцовства. По мнению исследователей, при изучении политики отцовства необходимо уделять внимание соотношению треугольников, поскольку именно они дают представление о том, какое влияние оказывает модель семейной политики на отцовство (Hobson, Morgan 2002). Для этого предлагается следующая концептуализация отцовства. Во-первых, отцовство как опыт конкретного мужчины. В этом случае проводится различие между био-

логическим и социальным отцовством, т. е. отцовство перестает быть биологически фундированным и становится связанным с качеством отношений между мужчиной и ребенком. Биологическое и социальное отцовство, как и родительство в целом, может и не совпадать, отцовство также отделяется от брака. При таком понимании большое внимание уделяется проблемам, связанным с осуществлением отцовской роли после развода супругов, когда в большинстве случаев дети остаются жить с матерью. Разведенные мужья — биологические отцы детей часто вступают в противоречие и конфликты с социальными отцами — новыми партнерами матерей, которые также принимают участие в воспитании детей, не являясь их биологическими родителями. Эти конфликты могут затрагивать как материальные стороны, так и содержательные моменты воспитания (образование ребенка, его интересы, досуговые практики), а также распределение обязанностей по осуществлению заботы о детях (Ibid.). Во-вторых, отцовство как социальный институт (fatherhood). Здесь речь идет о правах, обязанностях и статусах отцов, например, биологического и социального. В официальном дискурсе вопрос о том, кто платит за содержание и воспитание детей, очень часто соединен с тем, кто заботится о детях. Это находит свое выражение в изменениях семейного законодательства, которое предполагает признание прав отцов на участие в жизни ребенка после развода.

Совместная опека законодательно закреплена в большинстве стран Западной Европы, она стала нормой для скандинавских стран. Как отмечают исследователи, в Швеции наиболее высокий процент (91 %) разведенных пар, которые оформили совместную опеку (Ibid.: 2). Изменение законодательных норм относительно развода и прав отцов повлекло за собой изменение в используемой терминологии, когда вместо термина «опекун» используют понятие «родитель, постоянно проживающий с ребенком» (residential parent), а фраза о родительской ответственности бывших супругов стала обязательной для официальных документов о совместной опеке. Несмотря на эти изменения, обязанности отцов, как и прежде, главным образом сводятся к материальному обеспечению ребенка, а не к реальному разделению заботы о нем. Если в случае уклонения от уплаты алиментов или оказания другой материальной помощи ребенку к отцам могут быть применены различные санкции, то по-прежнему не предусмотрены никакие взыскания в отношении тех отцов, которые не поддерживают контакты со своими детьми после развода. Сейчас совместная опека в большинстве случаев представляется скорее привлекательной законодательной инновацией, направленной на поддержание гендерного равенства между родителями в постразводной ситуации, нежели устоявшейся практикой заботы о детях. Отсутствие исследований о том, как организована совместная опека в повседневной жизни, как воспитать ребенка «на два дома», какие ресурсы

и навыки родителей и детей требуются для того, чтобы такая договоренность о разделении обязанностей была продолжительной по времени, т. к. только в 37 % случаев эта форма опеки сохраняется по прошествии трех лет после развода, — на все эти вопросы пока нет исчерпывающих ответов. Они являются сдерживающим фактором для более широкого распространения данной формы заботы о детях (Whitehead 2010: 159).

Помимо законодательного дискурса на формирование отцовства как социального института оказывают влияние нормативные представления о «хорошем» и «плохом» отце, закрепленные в гендерной идеологии и культуре общества, традиции воспитания. Они также задают рамку рассмотрения, создают напряжение, существующее между разными дискурсами отцовства, противопоставляя «деньги» и «заботу» (cash or care). «Деньги» при таком понимании связываются с традиционной, экономической моделью отцовства, а «забота» — с моделью «ответственного» отца, ориентированного на выстраивание близких отношений с ребенком, «эмоциональную работу» по отношению к нему и другим членам семьи. Каждая из этих выделенных моделей отцовства связана с определенной моделью семьи и гендерным порядком общества. Рассматривается и отцовство как осуществление заботы о ребенке (fathering), когда речь идет о практиках отцовства. В формальных терминах различие может стать более очевидным, если провести разницу между «быть» и «делать» (being and doing), между статусом и набором практик.

Взаимосвязь треугольника отцовства и институционального треугольника, — важный аспект, оказывающий влияние на формирование и практическую реализацию конкретной политики отцовства. Мужчины определяются как отцы в рамках семейного законодательства (законы о браке, разводе и последующей опеке). Они также определяются как отцы в результате семейной политики, осуществляемой разными государствами, которая, коммодифицируя их как работников, предоставляет или не предоставляет им возможность совмещения профессиональных и родительских обязанностей. Отношения внутри семьи также создают отцовство через выполнение ими практик заботы и воспитания, которые выражаются в участии в ежедневном уходе за ребенком, через включенность в повседневную жизнь семьи, принятие не только «стратегических» решений, но и совершение множества обыденных выборов.

Исследователи отмечают, что самые сложные отношения в треугольнике отцовства — это те, которые связаны с разводом и последующей опекой над ребенком. Типичная постразводная ситуация выглядит следующим образом: мать считает, что отец ребенка оказывает недостаточную поддержку, а отец полагает, что он платит достаточно для поддержания благосостояния ребенка, но при этом имеет ограниченный доступ

к общению с ним (Ibid.). Положение осложняется еще больше, когда в отношениях по поводу ребенка задействованы не только родители, но и новые партнеры, которые также принимают участие в организации заботы и воспитания ребенка. В таких случаях именно государственное регулирование заботы (времени, проводимого с ребенком) и материальной поддержки ребенка после развода родителей может оказать положительное влияние на сохранение взаимоотношений между биологическим отцом и ребенком, когда законодательно предусмотрена и поддерживается форма совместной опеки (Hobson, Morgan 2002: 9–11).

Таким образом, отцовство имеет множество измерений, может быть рассмотрено не только как социальный институт, который (вос)производится в рамках определенной семейной политики, или как индивидуальный опыт мужчины по уходу за ребенком и его воспитанию, но и набор определенных предписаний и практик, связанный с этапом жизненного цикла семьи, количеством детей и их возрастом.

Модели отцовства

Отцовство взаимосвязано с теми моделями семьи, на поддержку которых направлены действия государства в рамках той или иной семейной политики. Модели семьи и гендерный уклад являются конституирующими элементами разделения труда не только в публичной, но и приватной сфере, а именно в сфере родительства. При рассмотрении гендерных аспектов государств всеобщего благосостояния выделяются шесть моделей семьи, которые существуют в странах Западной Европы. Они включают модель семейной экономики; модель мужчины-кормильца и женщины-домохозяйки; модель мужчины-кормильца и женщины частично домохозяйки; модель двух кормильцев при государственном уходе за детьми; модель двух кормильцев / двух домохозяев; модель двух кормильцев / наемной женщины-домохозяйки (Пфau-Эффингер 2000; Pfau-Effinger 2000). Важным для каждой модели семьи является содержание и соотношение родительских ролей, их поляризованность. Эти модели предполагают реализацию разных моделей отцовства. Рассмотрим их более подробно.

Традиционная модель отцовства релевантна первым трем выделенным моделям семьи (модель семейной экономики, модель мужчины-кормильца и женщины-домохозяйки, модель мужчины-кормильца и женщины частично домохозяйки), две последних из которых представляют собой нуклеарную семью. Мужская инструментальная функция — выполнение роли «кормильца» — связана с профессиональной деятельностью мужчины и необходимостью материального обеспечения членов его семьи, но не предполагала социальной заботы о ребенке, участия в уходе за ним (Bednarik 1970; Garrigan, Connell, Lee 1985; Hacker 1975; Parsons, Bales 1956; Pollack 1995 и др.). Традиционное отцовство

было связано с властью над ребенком и правом принимать решения относительно его будущего. Участие отцов в общественном, внесемейном производстве привела к тому, что их семейная роль стала носить преимущественно экономический характер, что также называют «экономическим» отцовством. Так называемый кризис традиционного родительства вообще и отцовства в частности явился следствием массового распространения феномена «отсутствующего» отца (absent father) (Garrigan, Connell, Lee 1985). Как отмечает И.С. Кон, «физическое отсутствие отца в семье, его отстраненность от ухода за детьми — не только следствие его внесемейных обязанностей, но и средство создания дистанции между ним и детьми ради поддержания отцовской власти» (Кон 2006). Таким образом, именно власть, подкрепляемая экономическими ресурсами, и связанное с ней право принятия решения относительно будущего ребенка является атрибутивным качеством традиционного отцовства. Отношения близости и взаимопонимания между отцом и детьми, эмоциональная составляющая отцовства в целом находятся на периферии данного образа.

Изменение гендерного порядка, плюрализация семейных отношений, экономическая эмансипация женщин, обусловленная массовой занятостью женщин в профессиональной сфере, развитие гендерно-ориентированных общественных движений привели к появлению модели «ответственного» отцовства (LaRossa 1995; Pleck 1987; Rotundo 1985; Men's Family Relations 1996 и др.). Эта модель включала образ «нового» заботливого и ответственного отца, который с первых моментов жизни ребенка более активно играл свою роль, оказывая физическую и моральную поддержку жене во время беременности и родов. Такой отец принимает равное с матерью участие в каждодневном уходе за ребенком, его воспитании, более ориентирован на эмоциональную сторону отношений с ребенком, готов инвестировать в отцовство свое время и чувства. Модель ответственного отцовства в большей степени характерна для модели семьи, которая в типологии Б. Пфау-Эффингер обозначена как «модель двух кормильцев / двух домохозяев». Реализация данной модели отцовства возможна при институциональной поддержке со стороны государства и работодателя, когда профессиональная занятость организована таким образом, чтобы оба родителя вне зависимости от их пола могли совмещать работу и родительство.

Подчеркнем, что ответственное отцовство мыслится как важная сфера для самореализации мужчин, которые с большим вниманием относятся к выстраиванию отношений с детьми, ориентированы на эгалитарные гендерные отношения и включенность в заботу о детях. Практически все исследователи сходятся во мнении, что социал-демократическая модель семейной политики создает институциональные условия для реализации данного типа отцовства. В Скандинавии публичный

дискурс направлен на то, чтобы сформировать ответственное отцовство в качестве нормативной модели, когда отец должен стать таким же компетентным родителем, как и мать, быть так же включенным в осуществление заботы о детях. Институциональная поддержка данной модели выражается в таком инструменте семейной политики, как «папин отпуск». В 1970-х гг. в этих странах мужчинам было предоставлено право на оплачиваемый отпуск по уходу за новорожденным ребенком, кроме этого, они поощрялись к тому, чтобы принимать большее участие в рождении ребенка (совместное посещение курсов по подготовке к родам, присутствие на родах, специальные курсы для будущих пап).

При рассмотрении моделей отцовства нельзя не остановить своего внимания на «советском» отцовстве как особом типе. Модель «советского отцовства», по нашему мнению, в значительной мере отлична от двух предшествующих образцов, на ее формирование значительное влияние оказала советская гендерная политика (Чернова 2007). Вопрос о том, кому принадлежит главная роль в воспитании детей, — государству или родителям, был поставлен на повестку дня в 1930-е гг. Сложившаяся в советский период модель семьи представляет собой альянс женщины и государства, из которого исключен мужчина-отец. Она сформировалась в рамках советской гендерной политики — декларативного гендерного равенства. В законодательстве в Конституции 1936 г. было закреплено формальное равенство мужчин и женщин в публичной сфере, однако категория «отцовство» не присутствовала в официальных документах, где материнство и детство определялись как объекты заботы со стороны государства. Но на уровне практик существовала гендерная асимметрия и дискриминация женщин в сфере труда и власти. В сфере семьи и родительства вопрос о гендерном равенстве не проблематизировался, политика государства (вос)производила традиционное разделение ролей по признаку пола.

Каким образом этакратический гендерный порядок определяет отцовство? Государство мобилизует отцов на службу отечеству и регламентирует роль и функцию мужчины в семье через социально-экономические механизмы, например, установление размера и формы алиментов на несовершеннолетнего ребенка, а также судебной ответственности за уклонение или несвоевременную уплату алиментов и т. д. Реализация этой модели отцовства предполагает фрагментарное и ситуативное участие мужчины в воспитании детей. Нормативные суждения власти определяют родительство преимущественно как материнско-государственную функцию. Отцовство репрезентируется как экономический долг. С этого периода начинается традиция отчуждения отцовства, которая поддерживается государственной политикой. Советский отец был выведен за пределы ответственности за семью, он стал маргинальной фигурой в приватной сфере. Отсутствие в медицинских учреждениях

СССР возможностей проведения родов с присутствием отца, отсутствие правовых возможностей использования отпуска по уходу за ребенком и т. п. делают отцовство по-советски, с одной стороны, близким традиционной модели родительства (Здравомыслова, Арутюнян 1998), с другой стороны, невозможность выполнения роли единственного кормильца и полного материального обеспечения семьи превращают советскую модель в особый тип отцовства.

Отцовство и модели семейной политики

Гендерный анализ государств всеобщего благосостояния главным образом был сосредоточен на изучении положения женщин. Основная критика со стороны феминистских исследований заключается в том, что существующие подходы являются гендерно-нечувствительными, в частности, типология Эспинг-Андерсена игнорировала опыт женщин как матерей, жен, работников и граждан. Критический пересмотр доминирующих теорий позволил прийти к выводу, что женщины практически полностью исключаются из политики государств всеобщего благосостояния из-за того, что они уходят с рынка труда в связи с материнством (Lewis 1992). Однако гендерный подход к изучению семейной политики должен включать не только женщин, но и мужчин и, соответственно, фокусировать свое внимание на том, какой пакет поддержек адресован родителям (как матерям, так и отцам), и какая модель родительства (вос)производится в рамках данной модели политики. Сложилась определенная гендерная асимметрия в изучении социальной политики государств всеобщего благосостояния, где не только женщины исключаются из фокуса рассмотрения, поскольку они не представлены на рынке труда, но и мужчины, т. к. не учитывается их позиция в семье и они рассматриваются исключительно как представители определенных классов, статусных групп или граждан (Hobson, Morgan 2002: 7–8). Гендерный анализ семейных политик влечет за собой не только включение женских опытов, но и опытов мужчин как отцов, партнеров.

Для того чтобы сравнить семейные политики с точки зрения их дружественности мужчинам-отцам, необходимо рассмотреть соотношения прав, которыми обладают отцы (например, право на отцовский отпуск после рождения ребенка, право на совместную опеку после развода, и др.), и обязанностей, которые возлагаются на отцов (экономические обязательства в отношении ребенка, разделение заботы о детях). Таким образом, речь идет о доминирующей модели отцовства, на (вос)производство которой оказывает воздействие семейная политика того или иного государства. Хобсон и Морган для такого сравнительного анализа предлагают использовать типологию Льюис с «сильным», «умеренным» и «слабым» мужчиной-кормильцем (табл. 1.).

Модели семейной политики и отцовство

Модели семейной политики	Страны	Обязанности Отцов	Права отцов
Социал-демократическая	Швеция	W	S
Либеральная	Великобритания	S	M
Консервативная	Германия	M	M

M = умеренный; S = сильный; W = слабый.

Как можно видеть из приведенной табл. 1, точного соответствия между моделью семейной политики и реализуемой политикой в отношении отцовства нет. Это может быть объяснено тем, что в большинстве случаев модель семейной политики включает поддержку материнства, не рассматривая в качестве специального предмета права отцов (исключение составляют скандинавские страны). Другая ситуация с экономическими обязательствами мужчин, которые конституируют традиционную модель отцовства. Здесь государства с либеральным типом семейной политики, примером которой является Великобритания, поддерживают сильные обязательства отцовства, поскольку апеллируют к традиционной модели семьи с «сильным» кормильцем. Для Германии — страны с консервативной семейной политикой — характерны умеренные как права отцов, так и их обязательства, поскольку, с одной стороны, государство опирается на традиционную модель семьи, где мужчина выполняет роль кормильца, с другой, предпринимает попытки стимулировать участие мужчин в заботе и уходе за ребенком, формируя тем самым модель ответственного отцовства.

«Папина карьера»: отпуск для отцов по уходу за ребенком

Важным элементом изменений в сфере родительства вообще и отцовства в частности является то, что недостаточное и фрагментарное участие отцов в воспитании и заботе о детях стало рассматриваться в качестве проблемы, решение которой возможно на уровне семейной политики. «Папин отпуск», т. е. формально закрепленная возможность брать определенное количество выходных дней для ухода за ребенком представляется одной из самых действенных мер по формированию модели ответственного отцовства. Впервые отпуск для отцов был введен в 1974 г. в Швеции, а с середины 1990-х гг. выступает в качестве одного из важных элементов семейной политики во многих европейских странах.

В 1996 г. Совет Министров ЕС принял Директиву о родительском отпуске и призвал страны-участницы скорректировать свое законода-

тельство по этому вопросу в соответствии с установленными требованиями. Эти требования касаются: 1) минимального периода отпуска после рождения ребенка — три месяца; 2) предоставления права на этот отпуск как женщинам, так и мужчинам; 3) защиты от увольнения того из родителей, кто использовал этот отпуск (Хижный 2009: 26). Стандарты, закрепленные на уровне Европейского Союза относительно родительского отпуска, призваны унифицировать проводимую государствами политику, тем не менее, до сих пор сохраняются существенные отличия между моделями семейной политики на уровне как идеологии, так и дизайна, т. е. тех мер, которые направлены на поддержку семей. Политика, направленная на поддержание отцовства, может быть проанализирована исходя из следующих показателей:

- 1) законодательное обеспечение возможности разделения родительского отпуска, а именно установленные законодательно права о том, что:
  - каждый родитель может использовать родительский отпуск;
  - супруги могут разделить между собой родительский отпуск;
  - один из родителей, но не оба вместе могут использовать родительский отпуск;
  - не предполагается никаких особых условий для того, чтобы мужчина мог воспользоваться правом взять отпуск;
- 2) условия предоставления отцовского отпуска: является этот отпуск оплачиваемым и в каком размере, или нет.

Какие инструменты, помимо законодательных, может использовать государство для продвижения политики, «дружественной отцам»? Одним из действенных механизмов формирования нового ответственного отцовства могут выступать пропагандистские кампании, цель которых — проинформировать мужчин об имеющихся у них правах и возможностях, сформировать положительный образ отца, ухаживающего за ребенком. Наиболее показательным примером эффективного социального проекта по созданию образа ответственного отца является шведский опыт. Так, в Швеции начиная с 1976 г. проводилась пропаганда нового ответственного отцовства, в ходе которой использовались реклама, плакаты, брошюры и значки. Р. Клинт выделяет два этапа проводимой государством кампании, различая их по тематической направленности и тем целям, которых стремились достичь. Общая тематика первого этапа (1976–2001 гг.) выстраивалась вокруг отпуска для отцов. Родительский отпуск репрезентирован с точки зрения тех возможностей, которые он дает мужчине, чтобы больше времени уделять воспитанию детей, а не ответственности и равного разделения родительских ролей. Клинт отмечает, что гибкость использования отпуска отцом (возможность, взять один день или несколько, использовать по частям, сочетать с неполной занятостью) являлась одним из ключевых слов пер-

вой кампании. Репрезентируемое социальной рекламой отцовство связывалось и с удовольствиями, которые мог получить мужчина, решивший использовать родительский отпуск. Серия плакатов, на которых изображались мужчины с детьми в разных ситуациях (на рыбалке, за завтраком, на спортивной площадке), начинались с одной фразы «Отцовский отпуск может быть...» и показывала разные возможности проведения времени с детьми. Например, «Отцовский отпуск может продлить выходные и праздники, может позволить получить больше удовольствия», «Отцовский отпуск позволит продлить летний отпуск перед первым годом в школе» и др. (Klinth 2008: 30). Кроме потенциальных эмоциональных выгод, которые мужчины могли получить от отцовства, в социальной рекламе этого периода активно пропагандировались новые социальные навыки, которые приобретут мужчины, решившие воспользоваться правом на родительский отпуск: «научатся решать неожиданные проблемы», «лучшая школа лидерства — полгода заботиться о ребенке» (Ibid.: 31).

Таким образом, первый этап кампании был направлен в первую очередь на визуализацию мужчин как родителей, репрезентацию нового образа отца, формирование представлений о возможностях, связанных с отцовством. Предлагаемая целевой аудитории возможность выбора как времени использования, так и продолжительности отцовского отпуска, акцент на возможности получения удовольствия и личностного роста благодаря использованию отпуска по уходу за ребенком сыграли важную роль в формировании нового образа отцовства. Однако отцы по-прежнему рассматривались в качестве «вторичных», по сравнению с матерями, родителями, которые не несут основную ответственность за заботу о ребенке, а только могут выбрать ее по своему желанию. Отпуск по уходу за ребенком рассматривался в категории прав, а не обязанностей мужчины.

Второй этап (2002–2006 гг.) кампании был направлен не только на (вос)производство положительного образа отца, но и на продвижение идеи равного разделения и участия обоих родителей в воспитании ребенка и заботе о нем. С 2005 г. компания выстраивается под девизом «Половина каждому!» («Half each!»). Ее цель заключается в том, чтобы мужчины использовали больше дней из совокупного родительского отпуска и в итоге практически поровну разделили обязанности, связанные с заботой о ребенке в первые три года его жизни. Акцент делается не на сходстве, а на различиях и том особом вкладе, который вносит каждый из родителей в воспитание ребенка. Шведский вариант политики, дружественной отцовству, показывает, что семейная политика, ориентированная на гендерное равенство, не только предоставляет возможности женщинам совмещать профессиональные и семейные обязанности, но и открывает мужчинам новые возможности самореализации, поддержи-

вает модель семьи с двумя работающими супругами и ответственными родителями.

Несмотря на попытки стандартизировать законодательство европейских стран относительно условий предоставления родительских отпусков и проводимые кампании, направленные на продвижение положительного образа ответственного отца, число мужчин, которые воспользовались правом на родительский отпуск, остается недостаточно высоким. Лидерами среди стран, где отцы используют предоставляемую им возможность, по-прежнему остаются скандинавские страны. Однако и для них характерна определенная гендерная асимметрия родительства. Она выражается в том, что большинство мужчин берут отпуск по уходу за ребенком, но продолжительность этого отпуска остается небольшой. Так, например, в Швеции в 2007 г. 90 % отцов использовали причитающуюся им квоту, однако 79 % от оставшихся дней, которые формально разделены между родителями, использовали матери (Naas, Hwang 2009: 304). Тем не менее, и эти данные на фоне других европейских стран выглядят прогрессивными. Например, во Франции в 1999 г. только 1 % отцов воспользовались данной возможностью, а к 2003 г. мужчин-бенефициариев стало 2 % (Almqvist 2008: 194). В Германии после введения в 2007 г. новых мер семейной политики число мужчин, воспользовавшихся возможностью взять родительский отпуск, увеличилось до 10,5 %, однако больше половины из них ограничились использованием только двух месяцев от всего отпуска и только около 1,9 % от всех воспользовавшихся этим правом оформили родительский отпуск на 12 месяцев по сравнению с 78,1 % матерей (Henninger, Wimbauer, Dombrowski 2008: 300).

Какие факторы затрудняют реализацию «дружественной» отцам семейной политики? В качестве основных можно выделить позицию работодателя по данному вопросу, а также представление о гегемонной маскулинности, характерное для того или иного общества. Работодатель и корпоративные поддержки, предоставляемые работнику на предприятии, играют роль посредника между законодательно закрепленными нормами и индивидуальными практиками отцовства. Отношение работодателя и коллег задает репертуар возможностей для реализации права на отцовский отпуск, оказывает существенное влияние на принятие мужчиной решения об оформлении этого отпуска и его продолжительности. Исследования корпоративной поддержки в Швеции показали, что в крупных государственных компаниях с большим числом женщин-сотрудниц мужчины чаще используют родительский отпуск, т. к. отношение работодателя (в данном случае государства) и коллег к таким отцам является более «дружественным». Использование мужчинами отпуска по уходу за ребенком также имеет классовое измерение. Так, представители рабочего класса значительно реже, чем представители

среднего класса, берут отпуск после рождения ребенка, т. к. они практически не получают поддержку и одобрение такого решения со стороны коллег (Naas, Hwang 2009). Таким образом, размер, форма собственности, гендерный состав сотрудников предприятия, а также классовая принадлежность мужчины выступают теми факторами, которые могут иметь как позитивный, так и сдерживающий эффект при реализации дружественной отцам семейной политики.

Итак, каждая модель семейной политики исходит из определенного представления о родительстве, создает институциональные рамки для формирования отцовства как института (fatherhood) и практик отцовства (fathering). Политики отцовства имеют контекстуальный характер, создавая различные конфигурации нормативных предписаний, репертуара возможностей для практической реализации законодательных норм и практик отцовства. Иными словами, мужчинам предоставляются институциональные и дискурсивные возможности для того, чтобы заменить гендерно-нейтральный статус гражданина и работника позицией работника с семейными обязанностями. В том случае, когда это совпадает с идеологией семейной политики, ориентированной на гендерное равенство как в сфере занятости, так и в сфере семьи и родительства, государство является наиболее «дружественным» мужчинам, предоставляя им возможности и оказывая поддержку для выстраивания нового, ответственного отцовства. Кроме этого, стимулами или препятствиями для реализации определенной модели отцовства выступают временные и материальные ресурсы, которыми обладают мужчины. Государства всеобщего благосостояния с их развитой политикой занятости, системой страхования, пособиями на детей и другими мерами в большей степени были ориентированы на поддержку традиционного отцовства (Hobson, Morgan 2002). Так, например, налоговые льготы, которые получают работающие мужчины, были и сейчас остаются значимыми стимулами для реализации модели единственного кормильца для отцов.

Временной ресурс можно определить как время принятия решения о рождении ребенка, и здесь общеевропейской тенденцией выступает так называемое отставленное родительство, когда принятие решения о рождении ребенка согласуется с профессиональными и жизненными планами как мужчины, так и женщины и может быть отложено до наступления «благоприятного момента» в карьере, достижения определенного социально-экономического статуса. Принципиальным для дружественной мужчинам политики является не само право на отцовский отпуск, а те условия, на которых он предоставляется: уровень оплаты, продолжительность, необходимость брать отпуск целиком или возможность использовать по частям, совмещая с полной или неполной занятостью. Чем гибче институциональные возможности предоставле-

ния отпуска по уходу за ребенком, тем большее количество мужчин воспользуется этим правом, поскольку предусмотренная вариативность по времени использования (например, до достижения ребенком трех лет, до поступления в школу и т. д.), по продолжительности (несколько дней, месяцев), возможности чередования с профессиональной занятостью позволит в каждом конкретном случае найти наиболее оптимальный способ сочетания профессиональных и родительских обязанностей и мужчинами и женщинами.

Ответственное отцовство, основное отличие которого от традиционного заключается в том, что мужчины принимают большее участие в ежедневной заботе и воспитании детей наряду с матерью, предполагает наличие времени, которое он может посвятить уходу за ребенком и заботе о нем, его большей доступности для детей, что трудно обеспечить без институциональной поддержки со стороны государства. Политика, дружественная отцам, предоставляет мужчинам легитимную возможность на какой-то период уйти с рынка труда, при этом кардинально не снижая уровень благосостояния семьи. Данные исследований показывают, что произошедшие изменения затронули не только идеологический уровень — то, что вкладывается в понятие отцовства, но и практики отцовства — участие в осуществлении социальной заботы о ребенке, доступность для ребенка.

Законодательство относительно брака и семьи также играет важную роль в формировании отцовства на институциональном уровне. Несмотря на то, что отмечается гомогенизация статуса биологического и социального отца, наделение их равными правами, что особенно важно в случаях внебрачных рождений, по мнению исследователей, практически все государства посредством законодательного дискурса поддерживают привилегированную роль гетеросексуальных отношений и биологического отцовства. Даже в тех странах, где гомосексуальное партнерство признано законом, например, Швеции, отцовство и усыновление детей гомосексуальными парами оспаривается (Hobson, Morgan 2002: 12). Трудовое законодательство стало учитывать родительские роли и женщин, и мужчин (право на родительский отпуск, сокращенный рабочий день, гибкий рабочий график и др.), а также создало возможность для отстаивания своих прав в суде в случае их нарушения со стороны работодателя. И хотя применительно к мужчинам такого рода жалобы составляют единичные случаи, это служит ярким примером того, как изменяется доминирующая модель отцовства — от традиционного экономического к современному, ответственному.

В заключение необходимо еще раз отметить, что гендерный анализ государств всеобщего благосостояния и проводимой ими семейной политики будет неполным без учета позиции мужчин как отцов, тех прав и обязанностей, которыми они наделяются в каждой модели. Сравнение

государств по степени «дружественности» мужчинам представляется достаточно новым и важным направлением изучения моделей семейной политики.

Литература

Здравомыслова О.М., Арутюнян М.Ю. Российская семья на европейском фоне. М.: Институт социально-экономических проблем РАН, 1998.

Кон И. Зачем нужны отцы? // Звезда. 2006. № 12. С. 124–145.

Пфau-Эффингер Б. Опыт кросс-национального анализа гендерного уклада // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 24–35.

Хижный Э. Эволюция государственной семейной политики ведущих стран Западной Европы в конце XX — начале XXI в. // Государственная семейная политика европейских стран. Актуальные проблемы Европы / Под ред. К. Г. Пархалина (гл. ред.) и др. М.: ИНИОН, 2009. С. 11–44.

Чернова Ж. Модель «советского» отцовства: дискурсивные предписания // Российский гендерный порядок: социологический подход: Коллективная монография / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной, СПб.: Изд-во Европейского Университета в Санкт-Петербурге, 2007. С. 138–168.

Чернова Ж. Семейная политика в Европе и России: гендерный анализ. СПб.: Изд-во «Норма», 2008.

Almqvist A. Why Most Swedish Fathers and Few French Fathers Use Paid Parental Leave: An Exploratory Qualitative Study of Parents // *Fathering: A Journal of Theory, Research, & Practice about Men as Fathers*. 2008. Vol. 6. No. 2. Pp. 192–200.

Bednarik K. The Male in Crisis. New York: Knopf, 1970.

Bjorneberg U. Parenting in Transition: An Introduction and Summary // *European Parents in the 1990s. Contradictions and Comparisons* / Ed. by Ulla Bjorneberg. Transaction Publishers: New Brunswick (U.S.A.) and London (U.K.), 2002. Pp. 1–29.

Duncan S. Introduction: Theorizing comparative gender inequality // *Gender, Economy and Culture in the European Union* / Ed. by S. Duncan, B. Pfau-Effinger. Routledge, 2000. Pp. 1–26.

Garrigan T., Connell R., Lee J. Toward a New Sociology of Masculinity // *Theory and Society*. 1985. Vol. 14. No. 5. Pp. 551–604.

Haas L., Hwang C.P. Is Fatherhood Becoming More Visible at Work? Trends in Corporate Support for Fathers Taking Parental Leave in Sweden // *Fathering: A Journal of Theory, Research, & Practice about Men as Fathers*. 2009. Vol. 7. No. 3. Pp. 303–321.

Hacker H. The New Burdens of Masculinity // *Marriage and Family Living*. 1975. No. 19. August. Pp. 229–234.

Henninger A., Wimbauer C., Dombrowski R. Demography as a Push toward Gender Equality? Current Reforms of German Family Policy // *Social Politics: International Studies in Gender, State and Society*. 2008. Vol. 15. No. 3. Pp. 287–314.

Hobson B., Morgan D. Introduction: making men into fathers // *Making Man into Fathers. Men, Masculinities and the Social Politics of Fatherhood* / Ed. by Hobson B. Cambridge University Press, 2002. Pp. 1–25.

Kaufman G., Lyonette C., Crompton R. Post-Birth Employment Leave Among Fathers in Britain and the United States // *Fathering: A Journal of Theory, Research, & Practice about Men as Fathers*. 2010. Vol. 8. No. 3. Pp. 321–340.

Klinth R. The Best of Both Worlds? Fatherhood and Gender Equality in Swedish Paternity Leave Campaigns, 1976–2006 // *Fathering: A Journal of Theory, Research, & Practice about Men as Fathers*. 2008. Vol. 6. No. 1. Pp. 20–38.

LaRossa R. Fatherhood and social change // *Men's Lives* / Ed. by M. Kimmel, M. Messner. Boston: Allyn and Bacon. 1995. Pp. 448–461.

Lewis J. Gender and the development of welfare regimes // *Journal of European Social Policy*. 1992. Vol. 2. No. 3. Pp. 159–173.

Marsiglio W. Fatherhood Scholarship. An Overview and Agenda for the Future // *Fatherhood. Contemporary Theory, Research, and Social Policy* / Ed. by W. Marsiglio. SAGE Publication, 1999. Pp. 1–20.

Men's family Relations. Report from international seminar / Ed. by U. Bjornberg, A.-K. Kollind. Department of Sociology, Goteborg University. Almqvist & Wiksell International, Stockholm, 1996.

O'Brien M. Changing Conception of Fatherhood // *European Parents in the 1990s. Contradictions and Comparisons* / Ed. by U. Bjorneberg. Transaction Publishers: New Brunswick (U.S.A.) and London (U.K.), 2001. Pp. 171–180.

Orloff A. Gender and the social rights of citizenship: the comparative analysis of gender relations and welfare states // *American Sociological Review*. 1993. Vol. 58. No. 3. P. 303–328.

Parsons T., Bales R. Family, Socialization and Interaction Process. London: Routledge, 1956.

Pfau-Effinger B. Conclusion: gender cultures, gender arrangements and social change in the European context // *Gender, Economy and Culture in the European Union* / Ed. by S. Duncan, B. Pfau-Effinger. Routledge, 2000. Pp. 262–273.

Pleck J. American fathering in historical perspective // *Changing men: New directions in research on men and masculinity* / Ed. by M. Kimmel. Beverly Hills, CA: Sage Publications. 1987. Pp. 83–97.

Pollack W. Deconstruction Dis-Identification: Returning Psychoanalytic Concepts of Male Development // *Psychoanalysis and Psychotherapy*. 1995. No.12. Pp. 30–45.

Rotundo E. American fatherhood: A historical perspective // *American Behavioral Scientist*. 1985. No 27. Pp. 7–25.

Sainsbury D. (ed.) *Gender and Welfare State Regimes*. Oxford: Oxford University Press, 1999.

Whitehead D.L. Divorcing Parenting from Child Support: Justice and care in the Discourse of the Rights and Responsibilities of Shared Custody // *Fathering: A Journal of Theory, Research, & Practice about Men as Fathers*. 2010. Vol. 8. No. 2. P. 147–162.